

Знаменитая библиотека-фонд «Русское зарубежье» на Таганке, ныне носящая имя её основателя — Александра Исаевича Солженицына. Читальный зал. Архивные документы фонда Комитета по обеспечению высшего образования русского юношества за границей, возглавлявшегося неумолимым общественным деятелем Михаилом Михайловичем Фёдоровым. Со всего мира ему шлют письма молодые участники Добровольческой армии и частей генерала Врангеля, бывшие гимназисты, кадеты. Поколение «русских мальчиков», родившихся на рубеже XIX и XX столетий. Прошедших ужасы Гражданской войны, эвакуации, голода, потерявших всё и поставленных перед необходимостью заново начинать жизнь. И вот — письмо из Гельсингфорса от 28 мая 1924 года:

«Естественно, я готов с благодарностью воспользоваться субсидией в каком бы то ни было учебном заведении Франции технического и гуманитарного характера. Но, страдая в результате нервного потрясения в красных подвалах и гибели всей моей семьи в бою и в застенках, заиканием в довольно сильной форме, к тому же медленно поддающимся излечению, я был бы чрезвычайно обязан Комитету по обеспечению образования русского юношества, если бы мне была предоставлена стипендия в каком-либо музыкальном училище или школе, где дефекты речи не могут иметь значения. Некоторая подготовка в этой области у меня имеется (по классу рояля), хотя, вот уже пятый год я не подходил к инструменту: уверен, что в пять, шесть месяцев я возвращу своим пальцам былую технику». Подпись — Иван Саволаин.

И кто бы мог подумать, что автор этого письма, который даже не упомянул о том, что он опубликовал десятки стихов и очерков в различных русских изданиях Балтии, через много лет станет символом Белой борьбы, что сотни людей будут переписывать его строки и учить по его произведениям детей и внуков правде трагедии Гражданской войны и изгнания.

К письму прилагалась справка редакции газеты «Русские вести», где подтверждалось: Иван Иванович Саволаин (литературный псевдоним Иван Савин) состоял постоянным сотрудником газеты и «...известен редакции как убеждённый антибольшевик и национально настроенный русский человек».

И ещё там же была подколота автобиография, написанная мелким, аккуратным, но топорливым почерком.

«Окончив в 1919 году Зеньковскую мужскую правительственную гимназию (г. Зеньков Полтавская губерния)... выдержав экзамен на аттестат зрелости по дореволюционной программе, я был зачислен в число студентов Харьковского императорского университета и вступил добровольно в ряды Добровольческой армии, в которой и сделал южно-русскую, кавказскую и крымскую кампании, состоял первое время (до крымского периода) в 3-м и 2-м кавалерийском полках, а в Крыму — в 3 сводно-кавалерийском полку и в эскадроне уланского белгородского полка в качестве вольноопределяющегося.

В момент оставления Крыма Русской армией я, больной тифом, находился в городе Джанкое, в лазарете, который, по неизвестным мне причинам, эвакуирован не был, и поэтому, вместе со всеми лежавшими в этом лазарете больными и ранеными солдатами Русской армии, попал в плен и я. После многочисленных особых отделов, чрезвычайных комиссий, голода, издевательств и истязаний я бежал из плена и прибыл в Финляндию, где восемь месяцев в больнице восстанавливал своё здоровье, подорванное нравственными страданиями (гибелью моих четырёх братьев) и чрезвычайной в красных застенках, и в настоящее время служу чернорабочим на заводе».

Интересно, что потом, описывая испытания своей жизни, Савин ещё находил силы для шуток. Вот что он оставил в своей шуточной автобиографии, написанной для Ильи Ефимовича Репина.

«Окончил гимназию после 7 ноября, но всё-таки грамотен. В университете не был — студенческий мундир на красной подкладке мне не к лицу.

С осени 1919 по осень 1921 блуждал по Дону, Кубани и Крыму и увлёкся спортом: первое время верховой ездой и метанием копья, затем — после поражения на Перекопской олимпиаде, заставшего меня в госпитале, — увлекательными прогулками по замёрзшей грязи в костюме Адама и охотой за насекомыми в подвалах, особо и чрезвычайно для того устроенными». Он ещё мог смеяться над собой.

Кем же он был, молодой поэт, проживший всего 27 лет и умерший в 1927 году. Цифра 27 стала для него роковой.

«То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу в русской литературе: во-первых, по причине полной своеобразности стихов и их пафоса; во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон, некоторые вещи и строфы — особенно». Такие слова нашёл для Савина сам Бунин.

Иван Саволаин (Саволайнен), знакомый всему миру русского зарубежья по псевдониму Савин, родился 29 августа 1899 года в Одессе. История любви его родителей, наверное, была удивительной даже для этого города, южных портовых ворот Российской империи, словно кипящий котёл переполнявшегося представителями самых различных народов. «Дед Ивана Савина — Йохан Саволайнен, финский моряк, встретил в Елисаветграде русскую гречанку, женился на ней, остался жить в России. От этого брака родился отец поэта, Иван Иванович старший. По профессии отец Савина был нотариусом, человеком русской культуры. В одной из своих деловых поездок Иван Иванович старший встретил и без памяти влюбился в молодую помещицу, вдову, которая была на десять лет старше его и у которой уже было пять человек детей. Анна Михайловна Волик тоже была не чисто русской: отец её был молдаванин из старинного города Отян. Только мать Анны Михайловны была русская. От второго брака родились Иван Савин, Николай и сестра Надежда». Так писала вдова поэта Людмила Владимировна Савина-Сулимовская, предваряя книгу стихов и прозы своего мужа, которую ей удалось издать в Нью-Йорке к 60-летию со дня его смерти.

Детство и юность поэта прошли в гоголевских местах, в городе Зенькове Полтавской губернии. Несмотря на то что родители через некоторое время разошлись, дети были очень привязаны друг к другу и жили в большом доме матери. Потом старшие учились в Михайловском артиллерийском училище, сестра Надежда — в Павловском институте, сам Иван Савин, как мы могли уже прочесть в автобиографии, — в Зеньковской мужской гимназии. И эту прекрасную, солнечную, так много обещавшую жизнь разорвали война, а потом рево-

люция и гражданская бойня. Кто тогда мог подумать, что два михайловца будут расстреляны в Крыму: Колю, пятнадцатилетнего мальчика, служившего в синих кирасирах, убьют красные кавалеристы на поле боя, а брата Бориса, едва взяв в плен, зарубят под Каховкой буденновцы.

Вихрь Гражданской войны закружил Россию, и в 1919, когда Добровольческая армия вошла в Зеньков, то у будущего поэта не было никакого другого пути. Впоследствии в своих строках он воспел тот порыв безрассудной и благородной молодости:

Да взлетят белокрылые латы!
Да сверкнёт золотое копье!
Я, немеркнувший славы глашатай
Отдал Господу сердце своё...

Да придет... Высокие плечи
Преклоняя на белом лугу,
Я походные песни, как свечи
Перед ликом России зажгу.

Точный, зоркий глаз Савина подмечал всё. И ужасы войны, и грязь, и кровь. Наверное, поэт пытался писать и во время боёв. Но основной, страшный материал для будущих произведений дал ему плен.

Во время крымского отступления он подхватил тиф. Савин и другие несчастные, находившиеся в Джанкойском лазарете, пытались выехать в Симферополь, который ещё находился под относительным контролем Врангеля, но этот последний поезд так и не пошёл.

Как он уцелел, Савин мог объяснить только высшим провидением. Он считал, что ему даровали жизнь для того, чтобы он рассказал о том, через что ему довелось пройти. И ещё раз предоставим слово Бунину:

«Ему не было ещё и двадцати лет, когда он пережил начало революции, затем Гражданскую войну, бои с большевиками, плен у них после падения Крыма... Он испытал гибель почти всей своей семьи, ужасы отступления, трагедию Новороссийска... После падения Крыма он остался больной тифом на запасных путях Джанкойского узла, попал в плен... Узнал глумления, издевательства, побои, голод, переходы снежной степи в рваной одежде, кочевания из ЧЕКИ в ЧЕКУ».

«К нам подошли трое... Один из них, приложив руку к козырьку, крикнул: „Здравия желаю, господин Врангель! — предложил парню в башлыке, — Микитка, звездани его по зеркалу!“

Микитка звезданул. Я упал на калмыка, из носа пошла кровь.

„Смотри, братва, слюни пустил. Понравилось!“

Микитка звезданул ещё. Удар пришёлся по голове. Я сполз с дрожащего калмыка в грязь. Нельзя было кричать... Крик унизил бы мою боль и ту сокровенную правду, которой билось тогда сердце, которой бьётся оно и теперь...

Микитка сам снял с моей шеи цепочку. Когда её мелкие холодные кольца коснулись висков, густая, почти чёрная капля крови, скатившись по губам, упала на крест.

„Твой крест, мама...“».

Так писал Иван Савин в одном из своих очерков «Плен».

Через пятьдесят лет, когда мир познакомился с «Колымскими рассказами» Шаламова, многие заметили эту страшную эстафету русской литературы, этот образец мужества и опыта «самостояния» человека в любых ситуациях, даже на самом краю.

Ему действительно повезло, если можно говорить об удаче в этих условиях. То какой-то комиссар пожалел молодого, истощённого вольноопределяющегося, и отвёл от ямы, то медсестра в госпитале успела сжечь его уланку, то немецкие колонисты накормили умиравшего пленного...

Он очень спешил рассказать обо всём. О мучениях, о потере достоинства победителей и побеждённых и о мужестве тех, кто сумел его сохранить. О пытках и торопливых разговорах в подвалах накануне конца:

«Когда за ним пришли, он отвёл меня в сторону и сказал шёпотом, поджимая босую, окоченевшую ногу:

— Там, в углу, дневник... так Вы, того... Продолжайте... Не скучно, знаете...

Я заглянул ему в глаза. Как остро, как мучительно жадно хотели жить эти молодые, пытками затуманенные глаза, а за ними пришли. Тоненькая струйка судороги переливалась в крепко стиснутых скулах, шевелила запущенную, рыжеватую бородку...

Я кивнул головой, с бесконечной жалостью поцеловал его в высокий лоб, его увели... Увели туда, куда уводили всех обречённых — на широкий выгон у вокзала».

Савин всё-таки сумел вырваться из этого ада и, используя финское происхождение отца, в конце концов оказался в Финляндии, в Гельсингфорсе. И здесь во всю мощь сразу развернулся его талант журналиста и поэта.

Он писал, писал торопливо, лихорадочно, на обрывках бумаги, на коробках от дешёвых папирос. Писал стихи, рассказы, политические статьи, где спешил рассказать миру о том, что с ним произошло. Ведь и в Финляндии, которую также накрыла Гражданская война, были очень сильны левые настроения, и многие считали, что опыт Советской России надо распространить и на финское общество.

С 1922 года во многих русских газетах и журналах Финляндии, прежде всего в «Новых Русских вестях», стали появляться его стихи и очерки. Строки, которые невозможно до сих пор читать спокойно. Потому что талант поэта и прозаика был пропущен сквозь то, что довелось пережить:

Ты кровь их соберёшь по капле, мама,
И зарыдав у Богоматери в ногах,
Расскажешь, как зияла эта яма,
Сынами вырытая в проклятых в песках...
Как вырвал пьяный конвоир лопату
Из рук сестры в косынке и сказал: «Ложись»,
Как сын твой старший гладил руку брату,
Как стыла под ногами глинистая слизь...

По подсчётам исследовательницы творчества Савина Элины Каркконен, которая несколько лет провела в библиотеках Финляндии и Эстонии, работая над громадными подшивками русских газет, только в стране Суоми за четыре с половиной года увидело свет 339 его публикаций.

Комиссары и русские интеллигенты, сметённые бурей российской смуты, белогвардейцы, умиравшие с высоко поднятой головой, и те, кто не смог удержать человеческое достоинство в преддверии гибели, родные, оставшиеся в ледяном и холодном Петрограде, представляли со страниц его очерков. Он писал о монахах на Валааме, где, к слову, умудрился записать беседу со спрятавшейся там бывшей всесильной фавориткой императрицы Анной Вырубовой, о Репине, жившем в Финляндии. Великий мастер очень любил Савина, как и вся небольшая русская колония. Да и как было не любить этого удивительно светлого, истощённого человека, каждым днём, каждым вздохом служившего своей потерянной стране.

«Дружески протягиваю Вам руку, — писал Илья Ефимович. — Очень рад познакомиться... Ивана Савина я знаю по живому таланту, бросаюсь его читать — (оказывается, он — Саволайнен). Очень, очень рад познакомиться». Впоследствии, отвечая на просьбу поэта подписать очередное антибольшевистское воззвание, старый художник отвечал: «У меня там, в Совдепии, есть заложники — дочь и внучка (учительницы). У внучки уже трое прав-

нуков моих... Полуограбленные, они обречены на переселение. И вот, обиженные власти погонят их зимой в Сибирь. Кто же их нраву может перечить?» А когда поэта не стало, Репин так выразил своё сочувствие в послании вдове:

«Я всегда мечтал, глядя на этого красавца-малороссиянина, написать его портрет... Какая невознаградная потеря».

Несколько лет назад один из самых уважаемых представителей русской эмиграции в США Ростислав Владимирович Полчанинов, очень много сделавший для издания наследия поэта, передал в Российский фонд культуры фотографию Репина с его надписью: «Необыкновенно красивому Ивану Ивановичу Савину. Пенаты. На добрую память. Илья Репин. 27 января 1927 года».

Ещё поэт, невзирая на огромную работу и тяжелейшую форму нервного истощения, был душой многих литературных и театральных вечеров. Мало того, он взвалил на себя редактирование журнала «Дни нашей жизни» при Кружке русской молодёжи в Финляндии. И два года тащил эту работу...

В 1926 году в Белграде Обществом галлополийцев была издана книга стихов Савина «Ладонка». Небольшой сборник вызвал единодушный восторг у многих критиков. Сотни людей переписывали стихи молодого поэта от руки — слишком многое значили эти строфы для русских изгнанников:

Все могилы родимые стёрты,
Никого, никого не найти,
Белый витязь мой, братик мой мёртвый,
Ты в моей похоронен груди.

«Книга Савина — это кредо добровольца», — писал в отзыве на «Ладонку» Касаткин-Ростовский. Знаменитый писатель Амфитеатров также не жалел восторженных слов: «Какая художественная поэзия не примолкнет в смущении и испуге, заслышав рядом раздирающие душу стихотворные вопли Ивана Савина — надмогильные вопли брата над зверски расстрелянными братьями, над оскорблёнными и униженными сёстрами? Да во всей русской поэзии нет более страшных, острее впивающихся в сердце стихов».

И, перескочив через несколько десятилетий, вспомним отзыв на переиздание «Ладонки» в Нью-Йорке в 1958 году человека, многими критиками, наряду с Бродским, признанного первым русским поэтом Западного полушария. Ивана Елагина — «короля» эмигрантской поэзии второй волны:

«Эти стихи — торопливый рассказ, полный жутких подробностей... Ритм этих стихов — ритм походки выведенных на расстрел, шатающихся от слабости и от непривычного, после тюрьмы, свежего воздуха. Ритмическая неровность некоторых строк, их отрывистость придаёт стихотворению взволнованность свидетельского показания. Иван Савин свидетельствует о своём страшном и героическом времени, и его поэзия — поэзия высоких обид и высокого гнева».

Этот высокий гнев у Ивана Савина сочетался с высокой жертвенностью. Умереть за Россию, за её честь — к этому призывала его поэзия».

Поэты всегда находят очень точные слова. Савин действительно был поэтом жертвенности, слова, которое, наверное, объясняло само происхождение и суть Белого дела.

У него было очень много замыслов, он хотел создать книгу о Пушкине, хотел писать новые стихи. Но всё пережитое, помноженное на яростную, сумасшедшую работу, не могло пройти даром. Порой его охватывали тяжёлые приступы депрессии.

Однажды поэта отвезли в больницу. Аппендицит. Изношенный организм не справился с последствиями операции и 12 июля 1927 года его не стало.

Жена поэта, Людмила Соловьёва, дочь офицера Финляндского полка, ещё почти шесть десятилетий хранила память о муже. Бурные события Второй мировой в конце концов

забросили её за океан. К тридцатилетию со дня смерти, в том же Обществе галлиполийцев, она в Нью-Йорке снова выпустила «Ладонку». «Второе издание сборника стихов Ивана Савина „Ладонка“ — долг признания и благодарности этому Белому воину и поэту, воздвигшему нерукотворный памятник Белой идее, осветившему мрак трагической эпохи, своему ей служению, своим единомышленникам, соратникам — погибшим, ушедшим и уходящим». Так было сказано в предисловии.

Ещё через тридцать лет, немного не успев к шестидесятилетию со дня ухода поэта из жизни, Людмила Владимировна Савина-Сулимовская (так теперь была её фамилия) вместе с Р. В. Полчаниновым издала книгу «Только одна жизнь: 1922–1927», где впервые после долгого перерыва были снова напечатаны потрясающие очерки «Плен». В России уже наступали другие времена, и стихи поэта буквально хлынули на страницы многочисленных антологий и подборок поэзии русского зарубежья, издаваемых в тогда ещё существовавшем СССР.

Через десять лет в Москве под эгидой московского Дома-музея Марины Цветаевой вышел в свет сборник стихов и прозы Савина «Мой Белый витязь». И снова понадобилось почти десять лет, чтобы благодаря поддержке Никиты Сергеевича Михалкова и усилиями Элины Каркконен и Дмитрия Кузнецова Российским фондом культуры и издательством «Грифон» был издан самый полный на сегодняшний день том произведений «рыцаря Белой мечты» «Всех убиенных помяни, Россия...». Название было дано по строке одного из самых знаменитых его стихотворений, выбитой на плите над могилой поэта на русском кладбище в Хельсинки. Стоит, наверное, упомянуть, что оба сборника, вышедшие тиражом в тысячу экземпляров, были сметены с прилавков за пару недель.

Стихи и проза Ивана Савина теперь, наверное, навсегда вернулись в страну, которая была для него всем и которую он так хотел хотя бы ещё один раз увидеть. В Россию.